

УДК 069(470)»192»

Н. П. Рязанцев

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ РОССИИ В 1920-е гг.

В послереволюционные годы происходил очень быстрый рост музейной сети. Позже Музейный отдел Наркомпроса назвал этот процесс «стихийным возникновением музеев на местах». Но начинался этот процесс не с нуля. На момент революции в России уже существовало значительное количество музеев. Примечательно, что весьма авторитетный специалист в этой области Г. Л. Малицкий в статье о состоянии музейного дела в России на 1917 г. вообще не назвал число музейных учреждений в стране. Он лишь указал, что в большинстве губернских и областных центров, а также в некоторых уездах уже были музеи¹.

Впоследствии исследователи существенно расходились в вопросе о численности музеев. Так, А. М. Разгон писал, что принято считать, будто в России в 1913 г. было 213 музеев, но по архивным данным значится 180 музеев². Напротив, Т. А. Пархоменко утверждала, что цифру 213 нужно увеличить, по крайней мере, в три раза³. С этим нельзя согласиться, т.к. автор включает в понятие музей выставочную деятельность, а также учитывает в качестве музеев небольшие собрания наглядных пособий учебных, культурно-просветительных учреждений и различных обществ. О. В. Ионова писала о 100 только местных музеев к октябрю 1917 г., а на начало 1918 г. называла цифру в 151 музей⁴. Эту же цифру со ссылкой на документы Государственного архива РФ называет С. И. Горелова⁵.

После организации в мае 1918 г. Музейного отдела Наркомпроса сведения о провинциальных музеях стали собираться более тщательно. Но полной информации по этому вопросу отдел все равно не имел. По его данным, количество музеев, состоящих на учете, возросло с 87 в 1919 г. до 320 в 1921 г. В ноябре 1921 г. Главмузей зарегистрировал 342 музея в провинции со штатом около 2 000 человек⁶.

Перевод музеев на местный бюджет привел к значительному сокращению их числа. На 1 января 1922 г. в провинции оставалось 155 музеев и 899 сотрудников, на 1 апреля 1922 г. – 181 музей и 942 сотрудника. На 1 июля 1922 г. был зарегистрирован 131 музей и 622 сотрудника, на 1 ноября 1922 г. – 129 музеев и 520 сотрудников в них. Кроме того, 68 музеев было зафиксировано в Москве и Московской губернии (670 сотрудников) и 38 музеев в Петрограде и Петроградской губернии⁷.

¹ См.: *Малицкий Г. Л.* Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции // Научный работник. 1926. № 2. С. 46.

² *Разгон А. М.* Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. Из жизни музеев. М., 1991. Ч. II. С. 5, 24 (прим. 1). См. также: *Рязанцев Н. П.* Сохранение культурного наследия в Советской России (1917 – 1930-й годы). Ярославль, 2011. С. 203-204.

³ См.: *Пархоменко Т. А.* Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Музей и власть. Из жизни музеев. М., 1991. Ч. II. С. 41.

⁴ См.: *Ионова О. В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти // История музейного дела в СССР. Сборник статей. М., 1957. Вып. 1. С. 37.

⁵ См.: *Горелова С. И.* Музейный фонд в первые годы Советской власти // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1990. Вып. 13. С. 212.

⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 3. Д. 54. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 53. Л. 10, 11, 17.

Хорошо информированный сотрудник Музейного отдела Наркомпроса А. М. Эфрос писал, что до революции в России было около 30 музеев, в 1919 г. уже 87 музеев, в 1921 г. – 210, а в 1924 г. – 476. Он считал эту цифру гигантской⁸. Современные исследователи на 1923 г. называют цифру в 220 музеев на государственном бюджете и около 180 музеев на местном бюджете, что близко к цифрам А. М. Эфроса. При этом нужно иметь в виду, что уже в 1925 г. происходило упорядочение музейной сети, которая сократилась почти вдвое⁹.

Столь значительный разброс в цифрах объясняется тяжелыми материальными условиями существования музеев в первые годы нэпа, когда эти учреждения снимались с государственного и передавались на местный бюджет. При этом на протяжении довольно долгого времени музеи оставались в неопределенном положении. Они не давали отчетов в Москву, поэтому не учитывались в статистике. Вследствие этого официальные цифры не отражали реальную картину музейного строительства в стране. Но, несмотря на материальные трудности, которые неизбежно вели к сокращению численности музеев в отдельные годы, в целом на протяжении 1920-х гг. продолжался рост их числа. И это было явным проявлением государственной музейной политики. В 1928 г. в РСФСР насчитывалось уже 628 музеев, а в целом в СССР – 805. Страна по этому показателю занимала второе место в мире¹⁰.

Естественно, возникает вопрос о причинах такого бурного музейного строительства в послереволюционные годы. Несомненно, что большую роль в этом процессе играли музейные работники, представители старой дореволюционной интеллигенции, чья активность в этом вопросе не была поддержана властями в дореволюционный период. Теперь они энергично взялись за дело, довольно быстро поняв, что новая власть не будет чинить им препятствий. Но представления о музейном строительстве в новых исторических условиях у этих людей было различным.

Известный теоретик музейного дела Ф. И. Шмит писал в 1919 г., что именно сейчас, в начале пути следует решить многие принципиальные вопросы музейного строительства, потому что «именно от настоящего момента зависит придать всему дальнейшему развитию правильное или неправильное направление». Ф. И. Шмит видел смысл музеев в тех социальных функциях, которые они должны исполнять. Это собирание и документирование материала, научная работа, охрана памятников, воспитательная и просветительная деятельность. Он выступал, как сторонник государственной централизованной музейной политики. Деятельность музеев, считал он, должна находиться под «бдительным контролем центрального ведомства»¹¹.

⁸ См.: Эфрос А. М. Музейное дело в Советской республике // Музейное дело. Музееведение России в первой трети XX в. Сборник научных трудов. М., 1997. Вып. 24. С. 178-179; В. К. Гарданов со ссылкой на документы ГАРФ определяет число музеев в 1923 г. цифрой 401. См.: Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917 – 1920 гг.) // История музейного дела в СССР. Сборник статей. М., 1957. Вып. 1. С. 30.

⁹ См.: Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. М., 2003. С. 143.

¹⁰ См.: Ионова О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928 – 1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 84-85.

¹¹ См.: Чистотинова С. Федор Иванович Шмит. М., 1994. С. 111-116. См. также: Шмит Ф. И. Музеи Союза Советских Социалистических Республик // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 194-201; Ананьев В. Г. Федор Иванович Шмит и сборник «Музеи: международное исследование по вопросу реформы публичных галерей» (1931 г.): у истоков «Музейной революции» // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 187-193.

Известный музейный деятель Н. И. Романов главным типом музейных учреждений в новой России считал местный музей, который способен в сочетании с другими факторами поднять уровень образования народа. Основное назначение этих музеев состоит в работе по сохранению «долговечных материальных и культурных ценностей», благодаря которым можно будет возродить Россию. Местный музей или музей родиноведения, считал Н. И. Романов, при всем разнообразии экспозиций, должен все-таки обладать определенной внутренней связью. «Лучше отказаться от многих обособленно стоящих и случайных предметов, – писал он, – и всегда иметь в виду, прежде всего, цельность и единство общей картины»¹².

Профессор из Казани Б. Ф. Адлер в любом местном музее хотел видеть научно-учебный центр и орган по охране памятников искусства, старины и природы¹³. Стремление многих музейных работников собирать максимально широкий круг предметов старины основывалось на взглядах известного русского мыслителя и теоретика музейного дела Н. Ф. Федорова. Еще в начале XX в. в работе «Музей, его смысл и назначение» он определенно высказался о принципах формирования музейных фондов. По его мнению, собирание музейных предметов должно иметь максимально полный характер, чтобы «избавить будущие поколения от необходимости разыскивать то, что должно было быть сохранено, и что, однако, исчезло». Музейные работники, считал он, не могут принимать на хранение лишь выдающиеся достопримечательности, не могут «присваивать себе право судьи и привилегию знания истины и по своему произволу одним давать бессмертие, а других лишать его»¹⁴. Многие специалисты были солидарны с тем, что только время определит истинную культурную и историческую ценность вещи.

Первые месяцы практической работы по созданию музеев были обобщены на Первой Всероссийской музейной конференции в феврале 1919 года. На ней было высказано множество интересных предложений по созданию государственной музейной сети. П. П. Муратов говорил об образовательном и эстетически-воспитательном воздействии музейных экспозиций на человека. Экспозиционную работу в музее он считал главной, не умаляя значения музеев, как хранилищ ценностей и как научных учреждений¹⁵. Н. И. Романов предложил, чтобы «высшим компетентным органом в музейном деле был съезд музейных деятелей». А академик Н. Я. Марр полагал, что в этом деле «компетенция и власть не должны расходиться». Экспозиции должны быть рассчитаны на приобщение масс, но при этом нужна «полная неограниченная свобода ученых устраивать музеи, как они это найдут нужным»¹⁶.

Предложения специалистов в основном совпали с позицией выступившего на конференции А. В. Луначарского, т. е. с позицией государства. А. В. Луначарский выделил следующие задачи музеев: музеи – это опорные пункты в деле народного образования; это доступные массам хранилища культурно-исторических ценностей; это опора науки; это эстетические центры общества и инструмент самообразования его членов. «Пополнение музеев, – говорил А. В. Луначарский, – их созидание и собирание должны идти снизу

¹² Романов Н. И. Местные музеи и как их устраивать. М., 1919. С. 7-8, 15.

¹³ См.: Адлер Б. Ф. Областные и местные музеи // Казанский музейный вестник. 1920. № 1-2. С. 5-13.

¹⁴ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Он же. Из философского наследия (Музей и культура). М., 1995. С. 31-32, 34.

¹⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Далее – ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 138.

¹⁶ Там же. Д. 227. Л. 11-11 об.

<...> Наверху же должна царить специализация. Между верхом и низом необходимо установить циркуляцию, организовав сообщение с филиальными отделениями, с провинцией, развозить выставки»¹⁷.

Музейная конференция приняла ряд важных решений по музейному делу. Например, о необходимости объявления коллекций всех музеев единым Государственным музейным фондом и о возможности перераспределения этого фонда. Было решено разработать общегосударственный план музейного строительства. Управление музейным делом в стране должно было сочетать принцип централизованного руководства с инициативой на местах¹⁸.

Время показало, что и дискуссии на конференции, и принятые на ней решения позволили вести процесс формирования государственной музейной сети по определенному плану, который в значительной степени соответствовал поставленным задачам. Принятые решения четко обозначили политику государства в этом вопросе, но также оставляли простор для инициативы снизу, для активной работы специалистов. Примечательно, что на этом этапе практически отсутствовала идеологическая составляющая музейной политики. Интересы музейных деятелей и государства в значительной степени совпадали. Это позволило вести музейное строительство в масштабах, которые в дореволюционный период невозможно было представить. Практика музейного строительства на местах была связана как со спецификой того или иного региона, так и со временем создания конкретного музея.

Мы рассмотрим здесь историю тех провинциальных музеев, которые появились в годы революции. Причем инициатива в их создании чаще всего шла снизу. Наглядным примером такого явления стала организация музея в старинном городке Тотьма Вологодской губернии. Сама идея музея появилась еще в 1915 г., но тогда местное земство смогло выделить для музея только 50 рублей и небольшую комнатку. Такой материальной базы оказалось мало. К 1917 г. в коллекции музея было только около трех десятков случайных экспонатов, в основном монет. После революции коллекцию разобрали по домам некоторые члены уездного отделения Вологодского общества изучения Северного края (далее – ВОЙСК)¹⁹.

В 1919 – 1920 гг. местный краевед Д. А. Григоров пытался разместить коллекцию музея, которая насчитывала около 250 единиц хранения, в одном из магазинов. Он просил средства у Вологодского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, но получил отказ. Подотдел посоветовал просить денег у местного отделения ВОЙСК. В то же время в июне 1920 г. решением коллегии губоно Тотемское отделение этого общества было закрыто ввиду его «бездеятельности и естественной смерти»²⁰. После этого инициативу в деле создания музея взял на себя школьный учитель Н. А. Черницын. Уездные власти предоставили под музей деревянное здание Пятовской начальной школы, выделили небольшие денежные средства и десять пудов дефицитной тогда соли,

¹⁷ Там же. Л. 5-5 об.

¹⁸ Там же. Л. 18, 38. См. также: *Ананьев В. Г.* Проект создания церковного музея на первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: к истории взаимоотношений музея и Церкви // Государство, Религия, Церковь в России и За Рубежом. 2011. № 2. С. 126-132.

¹⁹ См.: *Черницын Н. А.* Тотемский районный краеведческий музей. 1920 – 1945. Краткий очерк о работе. Тотьма, 1945. С. 1-3; Государственный архив Вологодской области (Далее – ГАВО). Ф. 2038. Оп. 1. Д. 10. Л. 4-5.

²⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 187. Л. 54; *Черницын Н. А.* Тотемский районный краеведческий музей. С. 3.

которую можно было использовать для сбора и закупки экспонатов. И самое главное, будущий музей получил три ставки от уездного отдела народного образования. После этого Н. А. Черницын принял по акту от Д. А. Григорова 255 экспонатов несостоявшегося музея, 94 предмета архива и рукописей, более 500 книг и периодических изданий. В своем сообщении в губернский подотдел он оптимистично написал: «Мы бедны не потому, что ничего не имеем, а потому, что не знаем, где лежат наши богатства и как их можно использовать»²¹.

Первая же экспедиция в близлежащие волости позволила собрать большое количество этнографического материала, который на 15 подводах был доставлен в Тотьму. Кроме того, местный краевед и геолог М. Б. Едемский пожертвовал музею свою этнографическую коллекцию, насчитывавшую около 70 предметов²². Все это позволило 7 ноября 1920 г. открыть в Тотьме музей.

Экономические трудности нэпа сказались на положении Тотемского музея. Встал вопрос о передаче музея на местный бюджет, фактически о его закрытии. Примечательно, как активно в такой ситуации музей был поддержан и учреждениями, и жителями города. Единое потребительское общество (далее – ЕПО) города на своем заседании отметило, что музей «при всех ненормальных и тяжелых условиях, при весьма ничтожных средствах благодаря энергии и любви Н. А. Черницына <...> вырос в значительную величину». ЕПО приняло решение отчислить 10 % от своей прибыли в помощь музею. Эта инициатива была поддержана другими организациями. В течение двух месяцев служащие уездного продовольственного комитета отчисляли 2 % от своих заработков музею. Денежные средства были перечислены уездным земельным отделом, нефтескладом, лесозаготовительными организациями, кооперативными учреждениями²³.

Благодаря таким мерам музей не только выжил, но смог продолжать собирательскую, просветительскую и исследовательскую работу. Было проведено несколько археологических экспедиций и открыто несколько памятников археологии на территории уезда. Музей приобрел ряд картин художника Ф. М. Вахрушева, коллекции фарфора, нумизматики и предметов народного творчества. В 1924 г. был выпущен первый путеводитель по музею, который содержал описание геологической коллекции. Количество посетителей музея при населении города в 5 000 человек составило за 3 года почти 20 000, т. е. посещаемость каждый год превышала 100 % в сравнении с численностью населения города²⁴.

Очень небольшой музей художественного профиля в городе Грязовце Вологодской губернии был развернут по инициативе местного краеведа С. А. Шустрова еще в сентябре 1917 г. Но уже через несколько дней музей был закрыт. Часть его экспонатов попала на педагогические курсы, а часть в музыкальную школу и школу второй ступени. Музей перестал существовать. Только летом 1921 г. Грязовецкий уездный отдел народного образования вновь поручил С. А. Шустрову возглавить музей. Для музея было выделено помещение в здании уездного исполкома, но вскоре произошло «уплотнение», и музей снова оказался ненужным. При многочисленных переездах погибла часть картин, а часть была

²¹ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 181. Л. 11-12, 20.

²² Черницын Н. А. Тотемский районный краеведческий музей. С. 3.

²³ Научный архив Вологодского государственного музея-заповедника (Далее – НА ВГМЗ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 40, 42; Черницын Н. А. Тотемский районный краеведческий музей. С. 5-6.

²⁴ См.: Он же. Путеводитель по Тотемскому музею имени А. В. Луначарского. Тотьма, 1924. 1-й выпуск; НА ВГМЗ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 43 об.-44.

кем-то уничтожена совершенно сознательно. Так, были буквально изрезаны на ленточки портреты Луначарского, Марии Магдалины и одного из бывших «отцов» города²⁵.

В такой ситуации С. А. Шустров, исполнявший все эти годы свои обязанности заведующего на общественных началах, обратился к властям с просьбой о фактической ликвидации музея. «Я думаю, – писал он, – Грязовец не удержит этих редкостей, и они, в конце концов, будут взяты в Вологду или еще лучше – в Москву <...> Чем перебрасывать, рвать, пылить ценные произведения, лучше бесповоротно водворить их на соответствующие места»²⁶. Уездный отдел народного образования фактически поддержал эти предложения, согласившись отдать лучшую часть картин в Москву и оставив в Грязовце небольшую часть произведений.

Но с такой позицией не был согласен Главмузей. Уполномоченный Главмузея, прибывший в Вологду, поставил вопрос таким образом. Почему уездные власти Грязовца хотят ликвидировать музей, «лишить город тех лучших картин, которые составляют ядро музея, его суть»? Ни одна передача экспонатов не может быть осуществлена без разрешения центра. Кроме того, возникает крайне нецелесообразная ситуация, когда уездный город «желает снабдить Москву второстепенного значения картинами, в то время, как Москва сама снабжает губернские и уездные музеи» произведениями искусства²⁷. Этот вопрос о перераспределении музейных ценностей между центром и провинциальными музеями и позже неоднократно становился объектом споров между специалистами музейного дела.

Причины, по которым создавались провинциальные музеи, были весьма разнообразными. В каждом конкретном случае преобладающим был тот или иной мотив. Анкеты музеев, заполненные по просьбе Музейного отдела и сохранившиеся в архивных фондах, позволяют наглядно представить этот процесс. Так, Спасский уездный музей Рязанской губернии возник, как считали его основатели-краеведы, «в самый разгар революционных событий, когда среди огня и разгрома имений крестьянами гибли культурные ценности и произведения искусства». При содействии уездного отдела народного образования они сначала организовали комиссию по охране памятников. Затем свезли «все ценные вещи в одно здание и таким образом положили основание музею». По мнению заведующей музеем Е. Л. Сергиевской, этот процесс занял семь месяцев, и 1 марта 1919 г. музей был открыт. Примечательно, что первоначальная опись предметов делалась по форме, принятой Комитетом по охране памятников Всероссийского кооперативного съезда²⁸.

Революцию в качестве причины создания музея называли и сотрудники Переславль-Залесского художественно-исторического музея Владимирской губернии. Он «возник в революцию, которой обязан своим происхождением» и был открыт 28 мая 1919 г. В основе первых его коллекций были вещи из дворянских усадеб. По инициативе Музейного отдела Наркомпроса музею было передано 45 картин из собрания уроженца Переславы И. П. Свешникова, которые находились в запасниках Румянцевского музея, и часть вещей из музея «Ботик». Музей размещался в бывшем здании духовного училища на территории упраздненного Горицкого монастыря. Он находился в ведении уездного подотдела по делам музеев и охраны памятников. Его фактическими руководителями в эти годы были

²⁵ НА ВГМЗ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-1 об.

²⁶ Там же. Л. 2-2 об.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 363. Л. 109-113.

художница О. Л. Кардовская и заведующий внешкольным отделом исполкома Г. П. Альбицкий²⁹.

Каширский историко-художественный музей Тульской губернии был основан в конце лета 1919 года. Его заведующий писал, что это было сделано, по «совершенно случайным обстоятельствам». В городе, который оказался прифронтовым из-за наступления армии Деникина, скопилось большое количество учреждений, воинских частей и большое количество вещей, вывезенных из разных мест. «Главная часть вещей поступила к нам из ЧК, взявшей на себя инициативу по вывозу вещей из имений», – писал заведующий. Состав коллекций музея оказался весьма смешанным. Вещи поступали из разных мест разрозненно и часто без каких-либо сведений об их происхождении³⁰.

Спасение культурных ценностей буквально из-под огня имело место и в усадьбе Ивановское князей Барятинских в Курской губернии. Усадьба оказалась в прифронтовой полосе, ей угрожала гибель. По инициативе волисполкома и при активном содействии крестьян из усадьбы было вывезено 5 возов музейных ценностей, среди которых было более 200 картин мастеров русской, французской, итальянской, немецкой и голландской школ, коллекции старинного фарфора, бронзы, оружия, часов, музей Шамиля и огромный архив³¹.

Кашинский музей Тверской губернии возник в ноябре 1918 г. на средства уездного отдела народного образования на основе весьма значительной коллекции купцов Кункиных. Местный коллекционер В. И. Кункин пожертвовал эти многочисленные предметы для будущего музея. К этому добавились также вещи, вывезенные из дворянских имений. Сам В. И. Кункин стал заведующим музеем³². Тульский музей Оружейно-технических курсов, возникший в декабре 1919 г. и включавший многочисленные коллекции оружия, обмундирования, снаряжения и образцов оружейной технологии, фактически являлся составной частью учебного процесса. На его экспонатах учили будущих оружейников³³.

Сотрудники Епифанского художественно-исторического музея Тульской губернии причиной создания их музея называли деятельность Музейного отдела Наркомпроса, которая распространилась и на губернию, и на уезды³⁴. А главным побудительным мотивом создания Муромского художественно-исторического музея Владимирской губернии стало наличие очень ценной коллекции графини П. С. Уваровой в усадьбе Карачарово. Это были картины, старинная мебель, коллекции фарфора и хрусталя, огромная библиотека. Принявшие участие в создании музея специалисты пожертвовали также свои собрания. С ноября 1918 г. музей был частью городского Муромского музея, но с декабря 1919 г. стал самостоятельным музейным учреждением³⁵.

²⁹ Там же. Л. 29-31. Примечательно, что один из инициаторов создания музея, краевед М. И. Смирнов был автором известного труда «Земский краеведческий музей. Опыт организации» (Ярославль, 1915), в котором обобщил полувековой опыт создания подобных музеев.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 363. Л. 168.

³¹ Эфрос А. М. Музейное дело в Советской республике. С. 167.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 363. Л. 168.

³³ Там же. Л. 163.

³⁴ Там же. Л. 165.

³⁵ Там же. Л. 25. Весьма показательно, что начальный, послереволюционный этап создания и деятельности большинства уездных музеев никак не освещен в соответствующих статьях «Российской музейной энциклопедии» (М., 2005). Порой статьи об этих музеях вообще отсутствуют или же их история начинается только с 1970-х гг. Очевидно, что назрела необходимость дальнейшего изучения музейного строительства в провинции на основе изучения, прежде всего, местных архивных

Разнообразные причины создания местных музеев позволяют выявить некоторые общие закономерности этого процесса. Прежде всего, общая политическая обстановка в стране, сложившаяся в результате революции, гражданской войны, национализации, первых декретов об охране памятников старины стала мощным стимулом деятельности по сохранению культурно-исторического наследия. Практически везде инициатива местных краеведов по созданию музеев организационно и материально была поддержана уездными органами власти, чаще всего отделами народного образования или подотделами по делам музеев и охраны памятников. На самом первом этапе музейного строительства значительную материальную поддержку музеи получали от местных кооперативных организаций, которые действовали по решению Всероссийского кооперативного съезда (февраль 1918 г.). В целом, несмотря на тяжелые условия, складывалась весьма благоприятная обстановка для формирования государственной музейной сети.

Музейный бум тех лет докатился до волостного уровня. В провинции начали возникать довольно многочисленные волостные музеи, которые были максимально приближены к населению.

Одним из наиболее известных музеев такого уровня в те годы был музей в селе Великом Ярославской губернии. Старинное, с богатой историей село Великое очень естественно и без каких-либо указаний сверху стало одним из инициаторов музейного строительства в губернии. Уже 13 января 1919 г., т. е. задолго до появления губернского подотдела по делам музеев, при Великосельской районной учительской организации была образована комиссия по охране памятников старины и искусства. В нее вошли художник П. М. Пальников, выпускник Московского Строгановского училища, художник Л. А. Башкирцев, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества (соответственно – председатель и заместитель председателя комиссии), и А. В. Соколова, ставшая секретарем комиссии³⁶.

Через отдел народного образования комиссия обратилась в уездный исполком с просьбой дать им разрешение на право осмотра памятников старины в пределах Великосельской волости. Главная наша цель, писали члены комиссии в исполком – спасти эти памятники, «сделать их доступными для трудящегося народа». А для этого необходима организация в волости музея³⁷. В мае 1919 г. члены комиссии произвели осмотр бывшей усадьбы Карновича Гора Пятницкая в окрестностях Великого, обнаружили, что часть вещей уже расхищена, и снова поставили вопрос о создании в селе Великом музея³⁸.

Непосредственное формирование коллекций будущего музея осуществлялось в течение июля и августа 1919 г. Часть вещей для музея поступила из усадьбы Карновича. Часть церковной утвари была передана по решению приходского совета церкви Тихоновской Божьей Матери. Среди этих экспонатов была, например, грамота на постройку этой церкви³⁹. Некоторые вещи были получены из бывшего особняка фабриканта Локалова. Это были картины, старинный фарфор, бронза, а часть экспонатов передали в музей местные жители. Так, в августе 1919 г. в музей поступила коллекция жителя села Великое А. Н. Ведерникова-Корсакова, в составе которой было более 100 русских и иностран-

фондов. См. в этой связи: *Свешникова Е. Е.* Из истории формирования музейной сети в Орловской губернии в 1917 – 1920 гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 86-93; *Тишкина Т. В.* Музеи Алтая в первой половине 1920-х гг. // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 59-65 и др.

³⁶ Государственный архив Ярославской области (Далее – ГАЯО). Ф. Р. 1007. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 7-7 об.

³⁹ Там же. Л. 19.

ных монет, 10 медалей и жетонов, две коронационные кружки и другие вещи⁴⁰. Общее число монет, переданных в музей жителями села, составило более 300 экземпляров⁴¹.

Вскоре для музея был выделен особняк Локалова в селе Великом и 10 000 рублей для завершения работ. Музей, «как новый источник просвещения», с первых дней существования пользовался большой любовью у местного населения. Уже на открытие музея пришло более 300 человек, а всего за два первых месяца работы его посетило более 700 человек. Хотя музей называли «народным», он находился на государственном бюджете. Смету на его деятельность утверждал Музейный отдел Наркомпроса. Например, на 1920 г. Н. И. Троцкая утвердила смету для музея в размере 95 320 рублей. Эта сумма включала в основном оплату труда заведующего и сторожа. Музей просил выделить ему и ставку хранителя, но на это денег уже не было⁴².

С началом новой экономической политики материальные трудности еще более осложнили работу Великосельского музея, но он все же продолжал существовать. Увеличивалось число его экспонатов, прежде всего, за счет подарков местных жителей, а также путем обмена дубликатами с Ярославским музеем. В середине 1920 г. музей передал в Ярославль двадцать предметов старины, в том числе портрет С. Е. Карновича художника Н. Д. Мыльниковца, уставную грамоту Карновича, наградные листы и т. п. А взамен получил из Ярославского музея 43 предмета церковной старины, каких не было в Великосельском музее⁴³.

Финансовое положение музея в 1920-е гг. продолжало ухудшаться. Тогда уездные власти решили судьбу музея по-своему. Некоторые косвенные данные свидетельствуют, что их интересовал не музей, а само здание дома Локалова, которое потребовалось для каких-то «казенных надобностей». 8 сентября 1924 г. уездный исполком направил в губмузей официальный ответ, который свидетельствовал о полном непонимании местными чиновниками тех проблем культурного развития, которыми занимались сотрудники губмузея, краеведы и музейные работники. Музей, назидательно утверждал исполком, не имеет абсолютно никаких ценных исторических вещей. Это всего-навсего вещи бывшего фабриканта Локалова. Мебель из его дома принадлежит исполкому и «исторической ценности из себя не представляет». Музей содержался на наши деньги, и мы имеем полное право на это здание. Музей будет переведен в школу. Заведовать им будет учитель, «следовательно, лицо более или менее компетентное, тем более, что для имеющихся там вещей и коллекций особых познаний не требуется». Заключительная часть письма Ярославского уездного исполкома звучала как окончательный приговор Великосельскому музею: средств на содержание музея нет, и о сохранении музея не может быть и речи⁴⁴. Таким образом, уездные власти категорически высказались против сохранения музея.

Проанализировав все эти обстоятельства, губмузей на заседании 5 ноября 1924 г. вынужден был констатировать, что «дальнейшее существование Великосельского музея не представляется возможным». Необходимо все экспонаты бывшего музея перевезти в Ярославский музей⁴⁵. В течение 1925 – 1926 гг. экспонаты Великосельского музея были перевезены в Ярославский музей, и он перестал существовать.

⁴⁰ Там же. Л. 21.

⁴¹ ГАЯО. Ф. Р. 1007. Оп. 1. Д. 76. Л. 11-12, 16-17.

⁴² Там же. Д. 19. Л. 30 об.

⁴³ Там же. Д. 13. Л. 31, 32 об.

⁴⁴ Там же. Д. 44. Л. 209-209 об.

⁴⁵ Там же. Д. 35. Л. 52.

Среди волостных музеев Ярославской губернии были Борисоглебский музей, созданный на основе коллекций бывшей усадьбы Мусиных-Пушкиных Борисоглеб Мологского уезда, Марьинский и Воятицкий музеи того же уезда, Копринский музей родного края, Николо-Кормский музей родного края Рыбинского уезда, Норский музей местного края Ярославского уезда и др.

У волостных музеев было множество проблем. Одна из них – это нежелание новых владельцев бывших усадеб (чаще всего это были земельные органы) передавать предметы старины в вышестоящие музеи. Сами краеведы и музейные работники понимали, что высокохудожественные вещи нельзя оставлять на местах. Здесь не было ни сил, ни средств для их охраны, реставрации, изучения. Да и существующее законодательство требовало передачи этих памятников в Музейный фонд. Но существовало также и понимание того, что вывоз многих прекрасных коллекций в центр очень сильно обедняет культурную атмосферу глубинки, тем более что эти предметы были тесно связаны с местной историей и культурой. Здесь было явное противоречие.

В июле 1928 г. Главнаука распространила методическое письмо об организации на местах волостных (районных) музеев. Волостной музей рассматривался в этом письме в качестве низовой научно-исследовательской базы, а также как итог работы местных краеведов. Главнаука отмечала, что в настоящее время таких музеев еще очень мало и следует быстро исправить этот недочет⁴⁶. Казалось бы, власти правильно обратили внимание на необходимость развития самой низовой и самой доступной населению музейной структуры. Но в новых исторических условиях их организация имела в значительной степени формальный характер. Вводились планы по созданию волостных краеведческих ячеек и музеев, планы по привлечению в них определенного числа новых краеведов. Существовала опасность превращения таких музеев в образец «бумажных экспозиций», где будет мало предметов материальной культуры, природы и т. п.

Революционные события 1917 г. привели к созданию множества музеев. По существу, в стране возникла государственная музейная сеть, хотя вопрос о ее численности до сих пор остается не до конца изученным. Различные взгляды представителей музейной общественности на роль музеев в новых условиях не помешали организации новых музейных учреждений. Этому процессу способствовала законодательно оформленная государственная музейная политика, проводившаяся через Музейный отдел Наркомпроса и его местные органы. Важным фактором формирования музеев была также позиция многих представителей старой дореволюционной интеллигенции, которые очень активно работали в этом направлении, особенно при создании провинциальных музеев. В тяжелейших условиях того времени столичные музеи были недоступны жителям провинции. Губернские, уездные и волостные музеи хоть в какой-то степени компенсировали этот дефицит культуры. Они служили очень важным средством просвещения народа, пробуждали интерес к родной истории и культуре, особенно у детей. Музеи являлись основным средством сохранения значительной массы памятников истории и культуры. Их рассматривали как важнейшие научные и учебные центры на местах. В конце 1920-х гг. в музейном строительстве все чаще стали проявляться негативные тенденции, которые в будущем привели к существенному изменению государственной музейной политики.

⁴⁶ ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.

Информация о статье

Автор: Рязанцев Николай Павлович – канд. ист. наук, доцент, Россия, Ярославский филиал Московского государственного университета путей сообщения, razansev@yandex.ru.

Заглавие: Формирование сети провинциальных музеев России в 1920-е гг.

Абстракт: Автор рассматривает процесс формирования сети государственных музеев в российской провинции после Октябрьской революции 1917 г. Автор выделил ряд причин быстрого формирования музейных учреждений в советской России. Среди основных причин названы инициатива старых специалистов, которые пошли на сотрудничество с новой властью, а также целенаправленная государственная музейная политика. В этот период советское государство рассматривало музеи в качестве эффективного инструмента народного просвещения, основных хранилищ культурных ценностей и важных центров науки. На основе конкретных примеров и новых архивных материалы автор показал процесс формирования местных музеев Владимирской, Вологодской, Тверской, Тульской и других губерний. В статье показана практическая деятельность музеев, а также негативные тенденции, которые появились в музейном строительстве в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: музей, музейная сеть, провинциальные музеи СССР.

Information on article

Author: Ryazantsev Nikolay Pavlovitch – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Yaroslavl Branch of Moscow State University of Communications, razansev@yandex.ru.

Title: The formation of the network of provincial museums in Russia during 1920th.

Abstract: The author in his article deals with the process of formation the museum network in Russian province since October Revolution (1917). At is shown variety of reasons in the case of rapid formation of museum institutions in Soviet Russia. Among the main reasons are distinguished first off all initiative and activity of the former specialists join to the new authority as well as the successive government museum policy. In this period the soviet state considered museums as an effective instrument of people education, safe keepers of cultural values and important centers of science. Based upon the concrete examples and the new archive materials the author demonstrated the process of formation the local museums in Vladimir, Vologoda, Tver' and Tula areas. The author marks their practical activity as well as the negative tendencies which revealed in museum matter to the end of 1920th.

Key words: museum, museum network, provincial museums USSR.